

НЕМЕЦКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПОЛИТИКЕ БИСМАРКА 1866—1871 ГОДОВ

(Обзор некоторых работ)

Националистическая юнкерско-буржуазная концепция происхождения Германской империи берет начало в семитомном исследовании Генриха Зибеля, которое представляет собой настоящую апологию бисмарковских идей и деятельности «железного канцлера», прикрытую внешней научно-образностью документированного изложения фактов и почти хроникальным описанием событий¹.

Поражение Германии в первой мировой войне привело к известной модификации взглядов либеральной части германских историков на национальное значение деятельности Бисмарка. В их рассуждениях появились вынужденные признания о необходимости переоценки устойчивости и жизнеспособности старопрусского фундамента империи, ликвидированного ноябрьской революцией 1918 года. Но это не мешало им оставаться почитателями Бисмарка и прусских традиций.

Из работ, написанных в годы Веймарской республики о европейской политике Бисмарка второй половины 60-х годов, следует выделить исследование мюнхенского профессора Михаэля «Бисмарк, Англия и Европа». Михаэль широко использовал архив прусского министерства иностранных дел и дворцовый архив, однако тенденциозное восхваление бисмарковского дипломатического искусства и политики помешало ему правильно интерпретировать многие интересные факты, приводимые в книге. Михаэль утверждает, например, что для Наполеона «Восток не был предметом самостоятельного интереса. Он шел там навстречу русским, думая, что они помогут ему против Пруссии». Однако соглашение не было достигнуто из-за того, что Горчаков «хотел сохранить свободу действий»². В действительности же именно крайняя неуступчивость Наполеона в восточных делах предопределила неудачу франко-русских переговоров второй половины 60-х годов.

К работе Михаэля тематически примыкает книга Г. Брюнса «Англия и германская война 1866 г.». По мнению автора, в 1864—1866 годах Бисмарк мог еще не уделять специального внимания Англии, ориентируя свои политические комбинации на великие державы континента. «Только германская война создала ситуацию, когда он мог включить Англию в свои расчеты», — пишет Брюнс³. В этой мысли есть несомненное зерно истины, ибо до обострения люксембургской и бельгийской проблемы, до того, как противоречия с Францией стали определяющим моментом в прусской политике, Бисмарк действительно не имел эффективных возможностей для привлечения Англии к активному сотрудничеству. Кроме того, над ним довлела необходимость обезопасить свои континентальные тылы и не раздражать преждевременно Францию англо-прусским сближением.

В годы фашизма официальные немецкие историки использовали культ Бисмарка для обоснования идеи фюрерства. В трудах фашистских историков, с целью подогреть националистические страсти, особенно выпячивались факты противодействия Европы стремлению немцев к единству и затушевывались факты проявления прогрессивными кругами различных стран сочувствия демократическому объединительному движению немецкого народа. «Ни одна из великих держав Европы не желала терпеть сплочения германского народа в государственном единстве», — писал историк А. Шарф⁴.

Исход второй мировой войны и крушение гитлеровского рейха не могли не вызвать новой волны критической переоценки бисмарковского наследия. Некоторые из буржуазных историков Западной Германии объявили бисмарковскую концепцию замкнутого германского государства под прусским господством «совершенно неисторической», не имевшей корней в народе, придавшей развитию Германии роковое направление. Но это не означало сожаления о неудавшейся демократической революции. Осуждая Бисмарка, они или поднимали на щит федералистскую программу его противников, способную якобы удовлетворить народы центральной и восточной Европы, или, подобно Гансу Шопсу, использовали против него аргументацию в духе юнкерского партикуляризма, истори-

чески оправдывая консервативную оппозицию «железному канцлеру» в лице Герлаха и др. Однако и подобного рода критические тенденции стали быстро захнуть по мере возрождения и укрепления в ФРГ сил монополистического капитала.

В 1958 году в Гейдельберге вышла объемистая монография (950 с.) покойного профессора Кильского университета (умер в 1955 году) Отто Беккера «Борьба Бисмарка за преобразование Германии», подготовленная к изданию и дополненная А. Шарфом. Эта книга и сейчас на Западе относится к числу «классических» произведений о Бисмарке. Беккер «ввел нас в неизвестные сферы государственного искусства», он показал Бисмарка не только «как гениального тактика», но раскрыл и существо его стратегии, — в таких выражениях рекламирует книгу в предисловии к ней А. Шарф. Надо сказать, что монография Беккера действительно вносит немало нового в рассмотрение отдельных сторон формирования Германской империи. Беккер использовал многие источники, недоступные его предшественникам. Он исследовал документы прусского тайного Государственного архива Берлин-Далем о создании Северогерманского Союза, среди них различные конституционные проекты, заметки самого Бисмарка, изучил архивы германских государств, частные архивы близких сотрудников канцлера. Из его исследования выясняется, какая большая подготовительная работа была проведена прусской канцелярией и какие страсти разгорались при определении структуры Северогерманского Союза. Этим окончательно развенчивается легенда о бисмарковском проекте конституции Северогерманского Союза как простой импровизации.

Но в целом работа Беккера — это одно из фундаментальных огромным количеством соответственно подобранных документов и фактов националистических восхвалений Бисмарка и роли Пруссии в объединении Германии. Исходная позиция автора такова: «Насколько противоположными были интересы Австрии и германского национального движения, настолько гармоничными были правильно поняты интересы Пруссии и немецкого народа».

Но так же, как и Тимме (издатель переписки Бисмарка), Беккер приписывает прусскому канцлеру чувство верности союзу с Австрией, что якобы доказывают компромиссные предложения, выдвигавшиеся или поддерживавшиеся в то время Пруссией (пруссские условия 22 февраля 1865 года, проект Габленца и др.). Особое значение как доказательству стремления Пруссии к дуалистическому сотрудничеству с Австрией Беккер придает впервые публикуемой им докладной записке Ргететогга, составленной 27 апреля 1866 года по поручению Бисмарка его референтом по германским делам, тайным советником Хепке. Хотя очевидно, что этот проект был продиктован чисто конъюнктурными соображениями, стремлением предотвратить наметившуюся в этот момент опасность европейского вмешательства и парализовать намерение Франции предложить созыв европейского конгресса для обсуждения германских дел⁵.

В объемистой книге Беккера мы почти не найдем упоминания о рабочем движении. Рабочий класс и другие демократические силы совершенно не фигурируют как факторы борьбы за национальное объединение страны.

Если книга Беккера в боннском мире превозносилась как новое осмысление деятельности Бисмарка, то книга другого столпа западногерманской историографии Л. Рейнера рекламировалась как произведение, дающее наиболее яркий и «правдивый» политический портрет «железного канцлера». Мы узнаем из этой книги, будто главная особенность Бисмарка не в том, что он часто угрожал насилием и порой применял его (здесь он делал только то, что делали все известные государственные деятели мировой истории). Свообразие Бисмарка заключается, оказывается, в том, что «он хотел достичь объединения Германии без войны» и «проявлял бесконечное умение и умеренность, чтобы помешать войнам, а после каждого столкновения широкой рукой предлагал примирение: и датчанам, и французам, и папе, и либералам, и ультрамонтанам». С завидным усердием автор выпячивает все, что могло бы свидетельствовать о «миролюбии» бисмарковской политики и опускает факты, доказывающие обратное. «Все его (Бисмарка — Л. Ш.) мысли, — уверяет Рейнер, — скрещивались на желании добиться возможного объединения

Германии без войны». Он комментирует сделки Бисмарка на Востоке с Францией и другими странами как поиски пути к мирному решению германского вопроса, как способ преодоления европейской разногласий в этом вопросе⁶. В таком же духе интерпретируют внешнюю политику Бисмарка накануне франко-прусской войны В. Момзен и ряд других западногерманских историков, возлагая ответственность за развязывание войны на правительство Наполеона III.

Некоторые новые нотки прозвучали в книге Г. Гейсса «Бисмарк и Наполеон III», изданной в Кельне в 1959 году. Автор стремится подкрепить историческим материалом тезис Г. Риттера об извечном тяготении Пруссии к Западу, призванный обосновать «права» ФРГ на особую роль в интеграционных процессах, происходящих в Западной Европе. Настойчиво доказывается отсутствие существенных противоречий между Францией и Пруссией в канун войны 1870—1871 годов.

Гейсс спорит со многими немецкими историками, отрицая какую-то особую заинтересованность Франции в «линии Майна». Он утверждает, что упразднение «линии Майна» не нанесло бы заметного ущерба мощи и престижу Франции, и Наполеон, мол, это сознавал, но был связан настроением «возбужденной французской нации». Гейсс отказывается считать программу, изложенную по предписанию Наполеона в письме Руера к Бенедетти от 16 августа 1866 года, аннексионистской, а находит, что основная идея этой программы—союз с Пруссией и Северной Германией, что же касается приобретения Бельгии с прусской помощью, на которое претендовал Наполеон, то это скорее средство прочнее связать Пруссию с Францией в качестве союзника. Судя по Гейссу, Бисмарк не считал наполеоновскую политику враждебной Пруссии. Он считал сторонниками войны только отдельных французских деятелей вроде Мустье, Бенедетти, Грамона и др. Поэтому вся политика Бисмарка в отношении Франции после австро-прусской войны, все его маневры имели, по убеждению Гейсса, главной целью усилить позиции маневренного императора Франции и предотвратить тем самым угрозу военного столкновения. Особенно якобы возросли надежды Бисмарка на мирный исход в начале 1870 года, с назначением либерала Оливье главой французского кабинета. Бисмарку казалось, что это шаг к установлению конституционного правительства во Франции, которое не будет противиться полному объединению Германии⁷.

В таком же духе интерпретируют франко-прусские отношения этого времени авторы сборника «Решения 1870. Германско-французская война», изданного в Штутгарте в 1970 году, и некоторые другие западногерманские историки.

100-летие со дня создания Германской империи, отмечавшееся в 1971 году, было использовано шовинистическими кругами для новых восхвалений Бисмарка и его политики. Один из ведущих западногерманских историков Теодор Шидер повторил, что создание империи «было единственно реалистическим решением германского вопроса» и сегодня «все сводится к тому, чтобы не захлопнуть преждевременно двери и сохранить возможность национальной связи частей урезанного рейха»⁸. Шпрингеровская «Ди Вельт» откровенно провозгласила, что хотя империя, созданная Бисмарком, разрушена, «Федеральная республика все еще живет наследством Бисмарка...»⁹ Были предприняты новые попытки доказать, что основание Германской империи якобы не таило в себе предпосылок ее последующих катастроф. По утверждению историка Кильмансега, «путь к первой мировой войне был также мало предопределен 1871 годом, как и беды национал-социализма»¹⁰.

Конечно, опыт истории и современная обстановка в мире вынуждают реалистически мыслящих западногерманских политиков и ученых к определенной переоценке исторических ценностей. Об этом свидетельствует и официальное признание правительством ФРГ факта существования двух немецких государств. Много споров в политических кругах вызвали выставки, организованные в бывшем здании рейхстага в Западном Берлине и в церкви Святого Павла во Франкфурте, целью которых, как писала «Ди Вельт», было оживить исторические традиции. Государственный секретарь по иностранным делам, свободный демократ К. Мерш и одиннадцать социал-демократических депутатов бундестага выразили недовольство выпячиванием на первый план национализма и настаивали на том, чтобы на выставках больше подчеркивались «социальные и прогрес-

сивно-либеральные компоненты момента». Социал-демократы Ганзен и Шперлинг возмущались отсутствием на выставках даже намек на то, что так называемый классически-национальный путь к германскому государственному единству в 1871 году, поправший принципы свободы, демократии и социальной справедливости, привел к расколу нации в XX столетии и, более того, явился одной из предпосылок сегодняшнего раскола Европы¹¹.

Буржуазные историки ФРГ, исследуя судьбу Германской империи, не могут игнорировать достижений марксистской историографии. Но тенденциозно, вне связи с контекстом цитируя исторические работы К. Маркса и Ф. Энгельса, западногерманские историки чаще всего искажают, фальсифицируют их смысл. Так, в сборнике, составленном профессором Э. Дойерлейном, приводится много высказываний Маркса и Энгельса о франко-прусской войне, но опущены те, в которых формулируется программа революционного объединения Германии «снизу»¹².

Итак, общая тенденция, господствующая в буржуазной историографии и публицистике ФРГ, свидетельствует о том, что культ Бисмарка остается здесь одним из средств поддержания и разжигания националистических и реваншистских настроений.

¹ См.: Sybel H. Die Begründung des deutschen Reiches durch Wilhelm I.—Berlin—München, 1889—1894.

² Michael H. Bismarck, England und Europa (vorwiegend 1866—1870).—München, 1930, S. IX, 140.

³ Brüns H. England und der Deutsche Krieg 1866.—Berlin, 1933, S. 6, 25.

⁴ Scharf A. Die europäischen Grossmächte und die Deutsche Revolution 1848—1851.—Leipzig, 1942, S. 295—296.

⁵ См.: Becker O. Bismarcks Ringen um Deutschland Gestaltung.—Heidelberg, 1958, S. 10, 76, 108, 110, 114, 115, 126—131.

⁶ См.: Reiners L. Bismarck. Bd. 2 (1864—1871).—München, 1957, S. VII, XII, 362, 363, 217, 222.

⁷ См.: Geuss H. Bismarck und Napoleon III.—Köln, 1959, S. 217, 221, 223, 196, 251.

⁸ Die Zeit, 1971, 15. Januar.

⁹ Die Welt am Sonntag, 1970, 30. August.

¹⁰ Die Zeit, 1971, 15. Januar.

¹¹ См.: Die Welt, 1970, 28. August.

¹² См.: Die Gründung des Deutschen Reiches 1870/1871 in Augenzeugenberichten.—Düsseldorf, 1970; Закаурцев О. Н.—Новая и новейшая история, 1971, № 6, с. 188—189.

Г. М. ЛИВШИЦ

АБУ АЛИ ИБН-СИНА—ВЫДАЮЩИЙСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СРЕДНЕВЕКОВОЙ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

В 1980 году прогрессивная общественность мира отмечает тысячелетие со дня рождения Ибн-Сины, или Авиценны (так называли его на Западе), знаменитого таджикского философа, врача, естествоиспытателя и поэта. Великие мыслители, ученые и писатели разных эпох и народов дорожили не только своим соотечественникам, но всему прогрессивному человечеству, так как их произведения способствовали сближению народов, развитию науки и культуры всего мира.

Мыслитель родился в 980 году в местечке Аршане (близ Бухары). Его отец—Абдаллах ибн Хасан—принадлежал к служилому сословию, был состоятельным человеком и отличался широтой кругозора. Он заботился о том, чтобы сын получил солидное образование. Под руководством хорошо подготовленных учителей юноша внимательно изучал грамматику, стилистику, математику, юриспруденцию, философию и медицину. Он много и упорно трудился. Позднее, вспоминая об этих годах, Ибн-Сина писал: «В течение этого времени я не спал целиком и одной ночи, а днем не занимался ничем, кроме наук. Когда же овладевал мною кратковременный сон, то снилась мне буквально та же проблема [что мучила меня наяву], так что воистину сущность многих проблем прояснялась мне во сне. И я не переставал [действовать] так, пока не укрепился во всех науках и не постиг их по мере человеческой способности»¹.

Ибн-Сина рано стал заниматься врачебной практикой. Об этом он сам рассказывает: «Затем я пристрастился к науке врачевания и стал